

Фильма пятая

СТРАННЫЙ

ЧЕЛОВЪКЪ

Мистическое

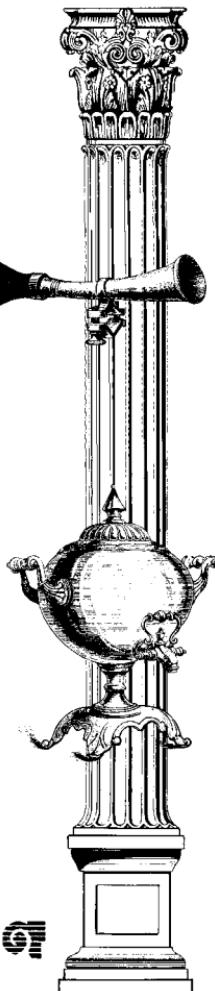
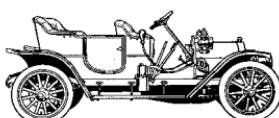
ОПЕРАТОРЪ

ИГОРЬ САКУРОВЪ

Тапёр г-нъ Акунинъ

НОВИНКА:

Демонстрация сопровождается
пѣснями в народномъ стиле
собственнаго его сочиненія

Cверху, будто через густое облако, видно реку. Не особенно большую, а примерно как Тобол выше Тобольска. И вроде ледоход по ней, самый конец, когда ледяные глыбы уже не горбатятся, а поистерлись, потаяли, посерели от воды. Тесно реке, распирает ее лед, продохнуть не дает.

И ух вниз, с горней высоты, ажно печенка в горло. Туман жиже, прозрачнее, и теперь можно разглядеть: не река это, а улица. Невский проспект. Дома пообонь, будто высокие берега. И льдины не льдины, а мертвяки – люди в шинелях, гнедые лошади с раздутыми брюхами. И всё это серое, неживое движется меж каменных теснин, в сторону аммиралтейской

иглы, дворца зимнего. Медленно, неотвратимо, и конца потоку не видать.

Страшно.

Хорошо, догадался молитву, хоть и во сне. Только произнес «Спаси, Господи, люди Твоя», и страшная блазна, ползущие вшами непокойники, сгинула. Проплект, однако, остался.

Теперь по нему шли живые, тьма тьменная. Радостные все, руками машут, кричат что-то, трубы у них трубят, песню слышно – как бы радостную, но в то же время и грозную. Словно крестный ход в престольный праздник. Но несут не кресты – хоругви кровавые, а вместо икон с Ликом Божиим ташут портреты, на них усатый кто-то, довольный, глаза щурит.

Первое виденье было хоть страшное, но понятое – где война, там и мертвцы. Второе сонному разуму не в охват. Кому поклоняются? Чему рады?

Но и тут пригодилось моление.

«...и благослови достояние Твое, победы на со- противных даруя» – пропал и черт усатый.

Всё пропало кроме Невского. Ни души на нем. Пусто, бело, морозно. Только сбоку по мостовой баба, замотанная в платок, тащит санки, еле идет. На санках куль небольшой, веревкой обвязанный. Хоть сверху не видно, однако известно: там усоп-

ший младенец. Баба пройдет немного, встанет. Потом снова идет. И никого на всем проспекте, только поземка.

Знамение это было страшней первого, но понятней второго. Быть сему месту пусту? Нельзя того допустить!

«...и Твое сохраняя Крестом Твоим жительство».

Сказал священные слова – победил Пустоту. Снова проспект переполнился, задвигался. Только не людьми, а железными крышами малыми, разноцветными. И чудно: половина по правой стороне тащится, половина – по левой, встрень. По берегам-третуарам выставлены картины пестрые, на них девки намалеваны, тощие, полуголые, зубы скалят.

Плюнул на всю эту непонять из-под облаков. Зафырчал проспект: фрр-фрр. Полетели брызги черные.

Не «фрр-фрр», а «карр! карр!» Не брызги – вороны.

То ли каркают, то ли по-иностранныму кричат. И выше, выше подбираются. Уже близко они. Клювы острые, когти врастопыр.

Сейчас накинется, мелюзга бесовская, рвать зачнет. А молитвы нет – слова, как дальше, забылись. Не вспомнить.

На второй год боевых действий почти весь Генеральный штаб (а вместе с ним отдел IIIb, к которому был приписан майор Йозеф фон Теофельс) вслед за Oberste Heeresleitung, ставкой верховного главнокомандования, переместился в Силезию, поближе к Восточному фронту. Разместились удобно, в охотничьем замке Плес, но по мере того, как война набирала силу, разбухала и главная квартира. Ко второй зиме не только во флигелях и пристройках, но в оранжереях, подсобных помещениях, даже сторожках и сараях поселились Sektionen и Abteilungen* разной степени необходимости. При этом размещение не всегда соответствовало истинной полезности подразделения. К примеру, Abteilung IIIb, без которого великая армия оглохла бы и ослепла, ютился в бывшем птичнике.

* Секторы и отделы (нем.).

Из прежнего курятника велось управление всей гигантской агентурной сетью, пронизывавшей тылы вражеских государств. В утятнике расположился мозговой центр контрразведки. Фронтовой разведкой руководили из гусятника. Сектору военной журналистики, агитации и пропаганды достался индюшатник. Цензура и сектор военных атташе делили страусиный вольер. В кабинете начальства когда-то хранились свежие яйца. Шутки по этому поводу офицерам давно уже надоели, но прозвища («курводы», «селеznи», «индюки» и прочее) присохли на мертвое и в дальнейшем, когда Ставка сменила дислокацию, уже не менялись.

В этом птичьем царстве майор бывал нечасто. Только по экстренному вызову – как сейчас. Фон Тейфельс был у руководства на особом счету, способного офицера приписывали то к одному сектору, то к другому, в зависимости от задания. Поручения неизменно относились к категории сверхважных, однако важность не всегда сочеталась с интересностью, а именно этот параметр являлся для Зеппа определяющим. Он любил свою работу, она составляла весь смысл его существования, а за каким чертом жить, если скучно?

Судя по тому, что под телеграммой стояла подпись подполковника Колнаи, начальника разведсек-

«То не вътеръ леденящій
По-надъ шляхомъ засвистѣль.
то на запахъ на смердяцій
воронъ черныи полетѣль»

тора, можно было надеяться на что-нибудь живое. И все-таки Зепп немного волновался. Всю дорогу он проделал на мотоцикле, чтоб как следует разогнать кровь. Гнал на восьмидесяти, останавливался лишь залить бензина да сжевать бутерброд. Когда показался шлагбаум, кордон первой линии оцепления, фон Теофельс не сбавил скорость, а еще наподдал газу и эффектно затормозил у самого шлагбаума.

Чем ближе к замку, тем больше на дороге становилось автомобилей. Черные, стремительные, они летели в Ставку и обратно, доставляя воинских начальников и курьеров с секретными пакетами. Будто вропы вокруг вороньего гнездовья, подумал Зепп, которого предстоящая встреча настраивала на поэтический лад. Он даже запел по-русски: «Не стая воронов слеталась на груды тлеющих костей...» Лихой ветер уносил песню вместе с дорожной пылью.

Ах, если б снова за линию фронта! Надоелоходить в мундире, жить по правилам.

Правда, минувшим летом он занимался делом невидным и неблагодарным, но очень, очень занятным: налаживал у союзников-австрийцев новую систему фронтовой разведдеятельности (собственная разработка). Идея была здравая, простая, всем выгодная.

Обычный шпион, обслуживающий зону боевых действий, труслив и бездеятелен. Его можно понять – если попадется, сразу вздернут или расстреляют. Заработка чепуховые, а риску много. Из-за этого агенты добывают мало информации и многое присоединяют.

Что придумал Зепп? Пойманых русских шпионов не казнить, а перекупать. Мол, зачем человеку существовать на жалованье от одного начальства, когда можно получать сразу два вознаграждения, в рублях и в кронах? И своим агентам рекомендовалось то же самое: идти с повинной к русским и предлагать свои услуги.

Выгода здесь не только в двойной оплате. Еще важнее безопасность. Виселицы можно не бояться, от патрулей не прятаться, через линию фронта перевалят в лучшем виде и так далее. Противник снабжает двойника ложными сведениями, по которым легко вычислить истинное положение дел. Люди оживают, начинают давать превосходные результаты. Потерь минимум. Красота!

Конечно, есть риск, что шпион-двоеженец сочтет главной супругой русскую разведку, но это вряд ли. Помогут два обстоятельства. Во-первых, нужно больше платить. Во-вторых (это главное), сердечнее относиться. Всякому приятно, когда его уважают.

Особенно если твое ремесло у дураков считается презренным. Вот русские офицеры агенту руки не подают, разговаривают брезгливо, иной раз и сесть не предложат. А мы не то что руку – обнимем и к груди прижмем, про семью расспросим, водочки-наливочки с героем выпьем, поахаем на все его приключения. С душой надо к сотрудникам относиться, и они в лепешку разобьются, чтобы оправдать такое к себе расположение.

Поработал неплохо, австрийские коллеги остались довольны. Но именно из-за этого возникла следующая командировка, исключительного занудства. Генерал-полковник фон Гетцендорф личным письмом попросил фельдмаршала фон Гинденбурга откомандировать в распоряжение австрийской Ставки капитана фон Теофельса для организации охраны сверхсекретного объекта: 305-миллиметровой чудо-пушки «Шкода», предназначеннной для стрельбы бронебойными снарядами по мощным крепостным укреплениям. Ради повышения статуса присвоили Зеппу внеочередной чин (было бы за что), дали штат сотрудников, и несколько недель новоиспеченный майор катался взад-вперед по железным дорогам. Работа по обеспечению безопасности была ерундовая, любой педант бы справился, но сколько волынки, сколько нудной суэты!
